

В фонде барнаульской мужской гимназии (ГААК) мне попался документ: прошение от 20 октября 1912 года в приемную Попечителя Западно-Сибирского учебного округа от барнаульского мещанина Ивана Михайловича Устиновщикова. В прошении в частности написано, что 1 сентября 1912 года его сын Александр был допущен к приемным испытаниям для поступления в первый класс гимназии. Испытания сын выдержал, но ввиду большого конкурса остался за штатом, что до крайности является горьким, плачевным и убийственным положением. Что его сын Александр, родившийся 8 апреля 1900 года, не по своей вине до сих пор не поступил в гимназию согласно возрасту. Иван Михайлович Устиновщиков был лесным смотрителем, получал весьма ограниченное содержание, жил в крестьянских селениях далеко от всех учебных заведений и, когда сыну подошел возраст начального образования, то в селении не было учителей, а главное — беспорядки в 1905–1906 годах. На жизнь Ивана Михайловича и сына Александра покушались. Два года сын находился в таком испуге, рассеянности и припадках, что никак не было возможности отправить сына на учебу. И лишь переехав в Барнаул, удалось справиться с болезнью сына. «Ради Бога войдите в наше

положение, зачислите и допустите к занятиям сына хотя бы сверхштата».

24 октября 1912 года было принято решение о зачислении в 1 класс Устиновщикова Александра и допущении его к урокам.

Было интересно узнать: что же с мальчиком Сашей стало? Какая его ждала судьба?

***

В 2008 году я купил книгу известного алтайского краеведа Василия Фёдоровича Гришаева «Реабилитированы посмертно», в которой на четырех страницах рассказывается о первом директоре барнаульского драмтеатра Александре Ивановиче Чарине, расстрелянном в 1937 году. Всего по делу РОБС в Барнауле было осуждено 39 человек. В 1959 году их всех полностью реабилитировали. Чарина оговорил директор барнаульского учительского института Андрей Петрович Юферов. Но это не спасло самого Юферова, который был также арестован и расстрелян. В статье излагается допрос Чарина, в котором он категорически отрицает свою вину, и сообщается о расстреле через месяц после суда, 27 декабря 1937 года в Барнауле. Есть сведения о том, что Чарин (Устиновщиков) Александр Иванович был женат с 1924 года на артистке барнаульского драмтеатра Людмиле Людмиловой.

***

Три года назад, 1 мая 2015 года, я получил письмо от Эдуарда Ковшевного.

«Здравствуйте, уважаемый Виктор Александрович!

Прошу Вас простить меня за то, что пишу Вам без приглашения, но все же надеюсь, что Вы уделите моему письму толику Вашего драгоценного времени.

Дело в том, что бабуля моя, Деняева Лидия Фёдоровна, была родом с Алтая. Но прожила большую часть жизни вне родных мест. О прошлом говорить не любила, рассказывала редко, но метко. Рассказы ее были всегда краткими, эмоциональными и очень живыми, сценичными. Например, о том, как приходили расстреливать прадеда в его родном селе Боровском... Не без влияния бабулиных рассказов я, в свое время, начал писать стихи. Но не о стихах речь.

Бабуля умерла в прошлом веке, минуло немало лет, остались в памяти обрывки рассказов, уцелели некоторые фотографии, но все это разрозненно, без конкретных дат. У меня уже взрослая дочь ... и вот, вернувшись из реанимации, я достал старые фотографии и с ужасом понял, что не смогу внятно оставить дочери рассказ — кто, когда, кем из ее предков был, как жил и умер. И что даже те обрывки знаний, что помню я, уйдут вместе со мной. А хотелось бы, чтобы после меня остались не только стихи, но и тетрадь с рассказом, с данными о прадеде, прабабушке, об их родне. И вот тут тупик. Безнадежность. Не знаю ни одной конкретной даты рождения или смерти, не от чего отталкиваться, по крайней мере мне, несведущему. Не знаю с чего начать, и, вообще, возможно ли теперь узнать что-либо о прошлом.

Поэтому обращаюсь к Вам, Виктор Александрович, за советом и помощью.

Вот, например, из того, что знаю. Отец бабули, мой прадед, Деняев Фёдор Самойлович, купец 1-й гильдии, родное село — Боровское Алейского района. Семья, кроме Боровского, жила в Барнауле на улице Полковой. Вроде бы были еще

Александр Устиновщиков (Чарин)

Людмила Людмилова

Эдуард Ковшевний. На пристани Барнаула. 1983

дома в Алейске и Бийске, но не уверен. Умер в 1927–29 гг. и похоронен, кажется, в Рубцовске. Бабуля была маленькая и на похороны ее не брали. Опять же есть подозрение, что не умер в Рубцовске, а был репрессирован.

Прабабушка Воронцова Мария Даниловна. Есть предположение, что была из дворян. Но как это сочетается с супругом, купцом 1-й гильдии?

Брат прабабушки, Воронцов Михаил Данилович, служил в Зимнем дворце. Опять же — кем, когда, в каком году и как попал туда, когда умер?

Прадед и прабабушка были в свойстве с Устиновщиковыми, Зыряновыми, Зимиными, Аникиными...

Старшая сестра Деняева Фёдора Самойловича — Татьяна Самойловна вышла замуж за Устиновщикова и у них был сын — Александр Иванович Устиновщиков (Чарин). По рассказам бабули — работал после Гражданской войны актером, режиссером барнаульского театра, как бывший голубой улан был репрессирован. Опять же на сайте барнаульского театра никаких упоминаний о нем нет.

И сразу возникает множество вопросов, ответы на которые здесь, за тысячи верст от Барнаула, я найти не могу.

Остались ли после смерти Устиновщикова потомки? Может, кто уцелел, может, есть и данные, воспоминания об Устиновщикове?

Уцелел ли кто в Барнауле из Деняевых? Зыряновых?

Ничего не знаю, бьюсь бессильно. Как мне быть? Кто поможет найти ответы?

Ответьте мне, пожалуйста, Виктор Александрович! Помогите бедному поэту. Прошу Вас.

С уважением,

Эдуард Ковшевний, правнук Деняева Фёдора Самойловича».

***

Эдуард Ковшевний — Виктору Суманосову

Насчёт Деняева Ивана Васильевича, знаю, что было переправлено несколько писем из Америки в Барнаул, но они не сохранились. Вообще, совершенно точно знаю, что в Америку попали: Деняев Иван Васильевич — племянник прадеда; Деняев Сергей и Деняев Андрей — младшие братья прадеда. Кто-то

из Деняевых был в Харбине, кажется, старший брат прадеда — Павел, и вроде как потом вернулся в Барнаул, в Россию. Что стало с ним, можно только догадываться. Кстати, Павел Деняев был, как говорила бабуля, военным еще до Первой мировой. Есть фото прадеда и его брата, где они в военной форме, прадеда забрали в ополчение или сборы военные, но тогда это было, уже в войну? Не знаю. Не могу определить по фото, ни год, ни род войск.

Да, где-то мелькало глухое упоминание, что многие из попавших в Америку тормозились на границе и проходили регистрацию на каком-то острове, что теперь на этом острове музей и выбитые на стене имена всех, кто приплывал в Америку через этот остров. Но при регистрации и сам эмигрант мог назвать другую фамилию, или изменить ее; мог тот, кто записывал, — записать искаженно, да и сайт этого острова наверняка на английском.

Переберу старые записные книжки, может, найду что за остров.

Вообще, если вспомнить бабулины рассказы, попутно, не в родстве, а в знакомстве, в дружбе всплывает очень много разных фамилий: Хмелевский, Кайгородов, Раков или Ракин, Травин.

***

Виктор Суманосов — Эдуарду Ковшевному

Заинтриговали знакомые Вашей бабушки — братья Ракины, Авенир и Леонид, капитан Травин. А Кайгородов — неужели это тот самый атаман Кайгородов, что бился с красными уже в 20-х годах в Горном Алтае? Посылаю обещанную статью о Чарине.

***

Эдуард Ковшевний — Виктору Суманосову

Искренне благодарю Вас за присланную Вами статью Василия Фёдоровича Гришаева об Устиновщикове (Чарине) А.И. С интересом и болью прочитал ее.

И сразу возникает много вопросов. «Окончил четыре класса гимназии». Что за гимназия? В какие года учился? Почему не закончил? «...3 с небольшим месяца служил писарем в 3-м Барнаульском полку...» С какого месяца по какой служил?

Разве в деле не указывалось подробно происхождение, родители, родственники, место проживания, послужной список, биографические данные арестованного? И где само дело? И как его бы почитать?

«...женился на артистке ... Людмила...» — да, это как раз совпадает с рассказами бабули, она тоже говорила, что его жена была артистка и звали ее Людмилой. И показывала фото, которое я высылал. Кстати, Виктор Александрович, Вы получили все фото, что я отправлял? Может быть, я что-то не так с ПК отправил, что-то не дошло?

И кроме самой трагичности судьбы Чарина убивает то, что «других сведений о нем найти пока не удалось...» Очень печально.

А как же сама Людмила Прокопьевна? Она ведь прожила долгую жизнь. И даже в 1983-м году была еще жива и посещала, приходила в старый дом на улице Никитской. Значит, ее волновало, беспокоило прошлое? Неужели она не оставила после себя воспоминаний, записок? Или, как моя бабуля, все время боялась и ничего не записывала?

И не нашлось того, кто записал бы с ее слов рассказы о прошлом? А дети, потомки? Неужели никого не было, никто не остался? А в театре, нет ли тех, кто хоть что-то слышал, помнит, знает? Хочется локти кусать от того, что ушло прошлое, а те, кто мог, в свое время, не сумели расспросить тех, кто готов был многое поведать, рассказать.

И относительно рассказов. Раз уж это письмо получилось посвященным памяти Александра Ивановича Устиновщикова, то упомяну один интересный эпизод из его жизни известный со слов моей бабули.

Ну то, что Чарин был голубым уланом, я уже писал. Дом, где жил Устиновщиков, был на улице Никитской — это я написал выше. А вот вкратце то, что я обещал Вам, Виктор Александрович, поведать.

...В 1919 году, кажется зимой, Устиновщиков и часть голубых улан отступали, откатывались в эшелоне к занятому белыми Барнаулу. И вот на каком-то участке пути ... на железнодорожный мост навстречу и наперерез составу был выгнан табун лошадей. На мосту лошади и поезд столкнулись лоб в лоб. Получилось жуткое месиво. Устиновщиков чудом уцелел в этой мешанине, но от потрясения на короткое время, как говорила бабуля, «тронулся умом» ... и уже в госпитале все метался, хватался за голову, пытался ее оторвать и кричал: «Верните мне мою голову — не хочу жить с конской головой! Уберите конскую голову...» Бред. Горячка. Жар. Потом, по всей видимости, тиф.

А когда бывший голубой улан пришел в себя и открыл глаза, то

Фёдор Самойлович Деняев с братом Павлом Деняевым (с шашкой) и племянником Константином

в городе уже были красные. И бабуля говорила, что Чарин просил у прадеда «принести скорей ему штатское платье...» и «...папа принес...»

Вот такой короткий, но очень интересный штрих к биографии Устиновщикова. Штрих, который вряд ли кто знает, помнит, кроме родных и родственников.

И надо было видеть, как это рассказывала бабуля! Театр одного актера... Здесь было передано, разыграно, показано все: и лавинообразный бег разгоряченных, обезумевших лошадей вниз по склону на рельсы, и крики, ужас запертых в падающем вагоне людей, и горячее метание раненого по белым простыням безучастной палаты, и обезумевшие глаза на бледном

лице перевязанной головы, которую надо — скорей, скорей, скорей! — оторвать и вернуть свою, родную, целую; и отрешенная безучастность выздоровевшего и узнавшего, что свои навсегда ушли из города, и будет теперь совсем другая, скорее всего, короткая жизнь...

О! Бабуля умела рассказывать... И недаром так любила Андронникова. И не учительницей литературы ей бы следовало быть, а актрисой. До сих пор помню, как холодок полз по спине, а я, не шелохнувшись, сидел напротив бабули, боясь пошевелиться и спугнуть то действие, те трагичные картины прошлого, что оживали тут передо мной.

Немудрено, что многое перекочевало потом в мои стихи и даже

толкнуло меня к написанию поэмы, а потом и пьесы «Возвращение...», пьесы, которая, к сожалению, не дописана и требует поездки в Барнаул, чего пока я не могу себе позволить. Надеюсь все же, что поездка и пьеса будут, а я не отправлюсь в мир иной раньше.

И жаль, что рассказы бабули были редки, и не позволено мне было записывать все на бумаге. Но нынче многое можно откопать, проверить, сопоставить.

В любом случае можно попытаться узнать, что за состав был перевернут табуном, в каком месяце, где, кто так хитро постарался, может, остались сведения о госпитале за тот период, сведения кто там с каким диагнозом и сколько лежал, воспоминания тех, кто лечился или работал там, да мало ли за что можно зацепиться любопытному человеку.

Вообще, если собрать воедино все бабулины рассказы, дополнить конкретными датами, датами и свидетельствами тех лет из других источников, то наберется материал на целую книгу или роман. Или пьесу.

...Как хотелось бы мне вернуться на алтайскую землю, в Барнаул хотя бы стихами, хотя бы пьесой, которую я посвятил бы убиенному директору театра и всем тем, кто любил родную землю и лег в нее.

***

Эдуард Ковшевский — Виктору Суманосову

Очень рад весточке от Вас, новым данным об Устиновщикове. И в данных по семье Устиновщикова как раз указана Татьяна Самойлова — Устиновщикова, она же Деняева Татьяна, старшая сестра прадеда из списка братьев и сестер Деняевых, что я Вам до этого отправлял. Улица Полковая из рассказов бабули тоже всплыла наконец-то. Об улице Полковой... Было два дома. В одном жили Деняевы, в другом — их родственники, видимо, Устиновщиконы, которые потом переехали на улицу Никитскую (Никитина) или Малую Никитскую, — не помню.

В 1983 году, зная, что у нее рак, бабуля попросила отвезти ее в Барнаул к родному дому. Мы набрали денег в долг и вместе с мамой повезли бабулю в Барнаул. И летом 1983 года мы прибыли в Барнаул. Вечером. Город встретил нас на вокзале словами из песни: «Хлеб всему голова...» На следующий день бабуля показала нам дорогу, отвела нас на улицу Полковую (ныне — Партизанскую) к родному дому.

(Если правильно помню, то это где-то недалеко от проспекта Мира (проспект Ленина) мимо какого-то резного деревянного кафе вбок под гору). Один из домов — зеленый флигель был уже снесен, торчали только балки из земли. Второй дом — бревенчатый, черный, двухэтажный — с раскидистым тополем перед домом был еще цел, но рядом высилась многоэтажка и, по словам жителей уцелевшего дома, на следующий год обещали этот дом снести.

Заходили в этот дом, бабуля говорила, что раньше здесь жили Деняевы, жильцы подтверждали, спрашивала бабуля о Деняевых, о Ермаковых, которые жили у Деняевых в этом доме по уплотнению и были с Деняевыми в хороших отношениях. Спрашивала о семье Киселёвых, но при чем тут Киселёвы я уже не помню. Вышла из дома бабуля в слезах. У фундамента родного дома набрала в чистый белый платок земли (эту горсть родной земли по завету бабули я и бросил потом первой на ее гроб на похоронах).

Водила бабуля нас в тот день и в следующий — к гимназии Будкевич, где училась. Потом к каменному зданию школы, в которой училась после гимназии Будкевич. К зданию с башенками, в котором работал прадед. На гору, на ВДНХ, что было когда-то Нагорным кладбищем. Точнее водили-то ее мы под руки, сама она уже не шибко ходила, но показывала, объясняла куда и как добраться.

И ходили мы на улицу Никитскую в дом Устиновщиконых. Не очень далеко от Полковой и в гору, по левой стороне дом. В доме разговаривали с женщиной, которую поразило не столько появление Деняевой, как то, что накануне, буквально вчера до нас приходила туда древняя, вся седая старушка — Устиновщикова Людмила. Тоже приходила попрощаться с домом и с прошлым. Тоже плакала. Я пытался узнать у женщины — откуда жена Устиновщикова приходила, узнал примерный номер многоэтажки и микрорайона. До самого вечера искали дом в том микрорайоне, но квартиру узнать не смогли. Хотел я узнать в горсправке адрес Устиновщиконой, но было уже поздно. А на следующий день был взят уже билет обратно до Москвы и дальше. Так что ходили по одной улице с женой Чарина, заходили в один дом, но не встретились. И тогда и до сих пор кусаю локти. Вот кто мог многое рассказать и прояснить.

Вот такая вот интересная история из жизни. Потому я и писал

Вам в прошлых письмах, что Устиновщикова жила долго, в 1983 году была еще жива.

Да, и если бабуля училась в гимназии Будкевич, то может, есть списки учащихся гимназии? Может, ученики заполняли автобиографии или документы, в которых указывались данные о родителях, — ниточка к прабабушке Воронцовой Марии и к Воронцовым. Может, родители заполняли ходатайства на прием детей в гимназию — и какие-то данные на прадеда в этих документах. Что-то еще обязательно есть.

***

Виктор Суманосов — Эдуарду Ковшевскому

Увидел Ваши сегодняшние фото и сразу отвечаю.

Школа, в какой училась Ваша бабушка после гимназии Будкевич, раньше была Барнаульским духовным училищем. Дом, в котором работал Ваш прадед, это первый барнаульский «небоскреб» — доходный дом купца Аверина.

***

Виктор Суманосов — Эдуарду Ковшевскому

Наконец я просмотрел дело Устиновщикова и скопировал для Вас его.

В приложенных файлах можете все прочесть сами.

В 2013–2014 годах я смотрел много дел 1937 года. Но такой «доказательной базы» для расстрела еще не видел. Один листочек допроса!!! Устиновщиконы все отрицает и не признает вины. Но для суда все ясно.

Я понял, почему мне не выдавали это дело так долго. Все дело в том, что это дело РОВС по всему Алтайскому краю. Куча народа. И кто-то искал другого человека. А само дело в 3 томах, толстенных, как «Война и мир» Толстого.

Оказывается, у Устиновщиконой была приемная дочь. Конечно, в 1983 году она была жива. Выйдя замуж, сменила фамилию, и теперь ее не найти.

***

Эдуард Ковшевский — Виктору Суманосову

От допроса и вообще от материалов дела — в шоке. Как просто — всего один листок на допрос. И всё. И поражаюсь мужеству Чарина, который не сломался, не оговорил себя и не оговорил других людей. Артист, творческий человек оказался крепче, чем иные. ❏